

ФИГУРА НАБЛЮДАТЕЛЯ В СЕМАНТИКЕ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

О.Н. Ляшевская

МГУ, Москва

rau@crusader.gan.ru

Понятие наблюдателя имеет большую ценность для семантики, ставящей своей целью объяснение фактов языка. В докладе рассматриваются нестандартные семантические различия между формами единственного и множественного числа таких существительных, как КРАЙ–КРАЯ, ГРАНИЦА–ГРАНИЦЫ, БЕРЕГ–БЕРЕГА, ЗЕМЛЯ–ЗЕМЛИ. При формулировке правил употребления числовых форм выявляются такие семантические признаки контекста, как направление взгляда наблюдателя, взгляд наблюдателя "изнутри" ситуации vs. "со стороны", отдаленность наблюдателя от объекта наблюдения. Кроме того, на материале имен объектов с непостоянной формой – "веревки" типа ЦЕПИ, ПОВОДЬЯ, ПОМОЧИ, БАГАЖНЫЕ РЕМНИ и др. анализируются причины появления в русском языке имен, тяготеющих к употреблению во множественном числе. Если визуальное восприятие этих предметов в процессе функционирования предполагает, что части этих предметов соположены рядом и параллельно друг другу (не последовательно), то предмет может концептуализоваться как сложный.

1. Наблюдатель в лексической и грамматической семантике

Понятие наблюдателя было введено в лексикографическую практику как компонент толкования некоторых пространственных существительных, прилагательных, наречий и предлогов (*верх-низ, левый-правый, вдалеке и вдали, за и перед*), параметрических имен (*высота, глубина*) и некоторых глаголов, например, *показаться, маячить, белеть* и др. [1:109-113; 3:639-644]. Присутствие наблюдателя позволяет сформулировать правила употребления и интерпретации этих слов, например: "В словосочетаниях типа *высота контейнера для мусора* наблюдатель оценивает вертикальную протяженность контейнера при взгляде сбоку, а в словосочетаниях типа *глубина контейнера для мусора* он оценивает ее при заглядывании внутрь контейнера" [3:639].^[1] Кроме того, раскрывая механизм восприятия ситуации наблюдателем, можно объяснить некоторые запреты на заполнение семантических валентностей. Так, неправильность примера **Я показался на дороге* состоит том, что нарушено правило несовпадения наблюдателя и наблюдаемого объекта [3:643].

Фигура наблюдателя оказывается полезной также и при описании семантики грамматических категорий, прежде всего, категорий времени и вида. Например, с помощью точки отсчета, или позиции наблюдателя во времени, описывается разница между актуально-длительным и общефактическим значением форм НСВ в примере *На стене справа висела картина* (при актуально-длительном понимании картина находится перед глазами наблюдателя в определенный момент в прошлом) [2:33; 7:12]. В более частном случае, с помощью компонента "сознание наблюдателя" истолковывается нетривиальное семантическое различие форм СВ и НСВ в парах *кончатся – кончиться, доходить – дойти, обрываться – оборваться* и др. Если фраза с глаголом НСВ *Тропа кончалась у реки* только констатирует объективное положение вещей, то фраза с глаголом СВ *Тропа кончилась у реки*, помимо того, "сообщает, что это положение вещей было зарегистрировано сознанием перемещавшегося по тропе наблюдателя" [3:644].

2. *Край и края*: к вопросу о нестандартном семантическом соотношении между числовыми формами

В семантике многих предметных имен, напротив, содержится отрицание зависимости пространственной ориентации объекта от точки зрения говорящего или другого наблюдателя. Ср. в этой связи признаки абсолютной пространственной ориентации и фасадности, определяющих интерпретацию таких сочетаний, как *верх шкафа, правый глаз, за домом* и др. [1:110-111]: "*верх <низ> шкафа не перестает быть верхом <низом>*, смотрим ли мы на него сбоку, сзади или сверху".

Точно так же выделение в предмете *центра* и *края/границы* а priori не зависит от наблюдения в конкретной ситуации. Тем не менее, понятие наблюдателя может быть плодотворно для решения одной грамматической проблемы, связанной с существительными со значением периферии. Дело в том, что значение форм множественного числа существительных *край, граница, берег* и нек. др. не сводится к смыслу "более одного края/границы и т. п.". У многих объектов ограничивающая линия может быть названа как формами ед. числа, так и формами мн. числа, ср. *край/края тарелки, край/края скатерти, край/края поля*. Традиционно считалось, что в данном случае числовые формы имеют одинаковое значение [4]. Однако, легко видеть, что значение формы ед. числа шире, чем формы мн. числа: формой ед. числа может быть названа как вся ограничивающая линия, так и ее часть, ср. *нижний край платка*. Но противопоставление форм сводится не только к этому. Ср. примеры *Он бежал по краю (*краям) поля* и *По краям поля были расставлены флажки* [8]. Несмотря на то, что в них обозначается денотативно тождественное пространство, в первом примере недопустимо употребление формы мн. числа. Примеры противопоставлены направлением взгляда наблюдателя (см. рис. 1). "В первом случае имеется в виду пограничная поверхность, "прослеживаемая" в одном направлении, т. е. как бы единый край всего поля, не существующий по этой причине во множественном числе. Во втором случае берутся отдельные фрагменты этой пограничной поверхности, "прослеживаемые" к тому же в разных направлениях – это естественно, если смотреть из середины поля" [там же].

Таким образом, понятие наблюдателя оказывается важным в исследовании нестандартных семантических различий между формами ед. и мн. числа. Как и в случае с видовыми формами (*тропа*) *кончалась – кончилась*, рассматриваемые особенности числовых форм

обнаруживаются на стыке лексики и грамматики. Мы не будем утверждать, что, подобно категории вида, категория числа является дейктической. Скорее, можно говорить о тех свойствах лексической семантики, которые высвечивает форма множественного числа.

Ниже мы рассмотрим некоторые другие контекстные условия выбора той или иной числовой формы, связанные с позицией наблюдателя, выбрав в качестве лексического материала обозначения пространственных объектов – линий и территорий (*граница–границы, земля–земли* и т. п.), а также названия артефактов класса "веревки" (*шнурок–шнурки, ремень–ремни, шов–швы* и др.).

3. *Граница и берег: наблюдение с высоты птичьего полета и "изнутри" ситуации*

Взаимозамена форм ед. и мн. числа у существительного *граница* возможна в случае, если у него заполнена только первая валентность, ср. *Китайская граница охраняется / китайские границы охраняются многочисленной и хорошо вооруженной армией*. Формами *граница/границы* здесь обозначается линия, окружающая некоторое государство, город и т. п. территорию. (В случае, если заполнены обе валентности, это слово обозначает не замкнутую линию, а отрезок, ср. *граница России с Польшей*). Синонимия форм допускается, если взгляд на ситуацию является взглядом стороннего наблюдателя, который обозревает огромные пространства и смотрит на ситуацию как бы "сверху". Так обычно описывают этот объект историки и географы, для которых объект – это прежде всего абстрактная линия на карте (похожая точка зрения отражается и при описании пейзажа в художественной литературе, ср. часто употребляемые в этом случае формы мн. числа *поля, леса, реки, пространства* и т. п.). Впрочем, наблюдатель может располагаться не только над землей, но и на земле, ср. наблюдение из центра поля в примере *По краям поля были расставлены флажки*. Главное – чтобы наблюдатель дистанцировался от обозначаемого пространства: так, в примере *Но и за границами Германии живут тысячи немецких семей* место наблюдения ассоциируется, скорее всего, с центром территории.

Напротив, замена формы ед. числа на форму мн. числа невозможна в контексте предикатов точечной локализации, т. е. при локализации относительно *границы* других объектов, несоизмеримо меньших, чем граница, ср. *Завод расположен на границе Тамбовской области; В конце концов он добрался до китайской границы / *китайских границ*[6:14].

Точно так же невозможен выбор формы *границы*, если точка наблюдения локализуется вблизи границы, ср. - *Теперь я поведу тебя посмотреть, - продолжал он [Ноздрев], обращаясь к Чичикову, - границу, где оканчивается моя земля. --- Прошедши порядочное расстояние, увидели, точно, границу, состоящую из деревянного столбика и узенького рва* (субъекты наблюдения – герои Н.В. Гоголя). В этом примере отражается совершенно иное восприятие ситуации, так сказать, "изнутри", и местность, называемая *границей*, обретает конкретные черты: *Вот у того моста проходит граница; На границе у вас проверяют паспорта; Она --- смотрит в тоске на ту сторону границы на Турцию* (С. Довлатов). Заметим, что противопоставление по способу восприятия ситуации наблюдателем позволяет провести неожиданную аналогию между контекстами употребления данных форм числа и форм глагольного вида, т. к. взгляд на ситуацию "изнутри" и "снаружи" лежит в основе семантического противопоставления форм НСВ и СВ.

Противопоставления, отмеченные у слова *граница*, релевантны также и для описания употребления числовых форм существительных *край* и *берег*. В отношении последнего имени следует заметить, что форма мн. числа может употребляться в том случае, если *берег* обозначает границу моря, но не реки, то есть довольно протяженную линию, ср. *берег/берега Каспийского моря, берег/берега острова*. Говоря о соотносительности форм ед. и мн. числа у названий пространств, Д.И. Арбатский отмечает, что форма множественного числа может приносить в значение оттенок "большей обширности" или "большей протяженности" пространства [4:238]. Однако чаще легкая разница между формами имеет не количественный, а качественный аспект, и это особенно заметно при сравнении сочетаний *берег моря, острова* и сочетания *берег реки*. В отличие от последнего, берег, который виден за морем, находится гораздо дальше от наблюдателя, чем берег реки. Поэтому существительное тяготеет к форме мн. числа, когда требуется подчеркнуть удаленность, неопределенность объекта или неясность его очертаний для человека, ср. характерные контексты: *Из Ливерпульской гавани, всегда по четвергам, / Суда уходят в плаванье к далеким берегам* (Р. Киплинг, пер. С. Маршака); *В утреннем тумане едва виднелись берега*.

4. *Земля и край* в значении 'территория': неопределенность как удаленность

Синонимия числовых форм у имени *земля* возможна в двух значениях: 1) "страна, государство" и 2) "территория для ведения сельского хозяйства, охоты и т. д., находящаяся во владении кого-либо"; ср. *На этой земле / на этих землях живут светловолосые богатыри; За рекой находится земля колхоза "Рассвет" / находятся земли колхоза "Рассвет"*. Для того чтобы сформулировать правила выбора числовых форм, нужно выделить 3 основных семантических признака.

Во-первых, пространство, на котором живет человек, разделяется на "свое" и "чужое". При обозначении своего пространства форма мн. числа *земли* не допускается; ср. *родная земля / *родные земли; Вот он ходит по нашей земле, живет в наше замечательное время, а всюду выискивает только одно плохое* (Ю. Домбровский); *моя земля¹ мои земли* (формы мн. числа с зависимым генитивом или притяжательным местоимением *земли X-а* всегда интерпретируются как "территория, принадлежащая X-у").

Во-вторых, когда речь идет о "чужом" пространстве, в качестве противопоставляющего выступает признак определенности локализации ситуации. Если говорящий не знает точно локализацию события, то форма мн. числа подчеркивает эту неопределенность, ср. *Как ушел ее муж на войну, так и сгинул где-то в чужих землях / в чужой земле*. Безусловно, точкой отсчета при этом выступает "свое" пространство, удаленное от места событий. Определенная же локализация чаще всего коррелирует с эффектом присутствия наблюдателя на месте события, ср. *Он много оттуда взял наизусть, и, годами бредя с руками за спиной в иноземной колонне по чужой земле, он на языке чужбины бормотал для себя: И смутно понял я тогда...* (А. Солженицын).

У существительного *край* форма мн. числа употребляется более свободно, чем у существительного *земля*. Особенно это касается обозначения "своего" пространства, ср. *Он был первым учителем в нашем краю / в наших краях; Ты случайно не из наших краев / нашего края будешь?* Тем не менее, и у этого имени при обозначении ситуации, развивающейся на глазах у наблюдателя, употребление формы мн. числа невозможно, ср. *Встарь, во время оно, / В сказочном краю / Пробирался конный / Степью по репью* (Б. Пастернак). [^{*}в сказочных краях]. В результате, несмотря на то, что обозначаемое пространство не входит в сферу "своего" (ср. прилагательные *чужой, далекий, сказочный* и др.), локус наблюдения перемещается к месту развития ситуации, что и предопределяет выбор формы ед. числа.

5. Визуальный фактор концептуализации

Отвлекаясь от проблемы обозначения пространства, обратимся теперь к предметам утилитарного назначения. Известная загадка русской грамматики состоит в том, что некоторые артефакты, являясь, с объективной точки зрения, целым, "единым" предметом, представляются в языке как "будто-бы-сложное" и обозначаются существительными *pluralia tantum*, ср. *брюки, сани, ворота, кандалы* и др. (см. в этой связи, в частности, работу [9]). К этим именам примыкают слова с полной парадигмой, у которых, однако, в ряде употреблений наблюдается такое же несоответствие между обозначающим и обозначаемым. Например, некоторые объекты, похожие на веревки (т.е. не имеющие жесткой формы), могут быть концептуализированы как сложный объект, если в процессе их функционирования оба конца находятся рядом (видны как пара) и выполняют какую-либо значимую функцию, например, привязаны к рукам и не дают им двигаться (*цепи*), находятся в руках у прыгающего (*прыгалки*) или правящего лошадью (*поводья*), завязаны в узел (*шнурки*). Из-за того, что в фокусе внимания оказываются концы, а не весь предмет, он может концептуализироваться как двусоставный [6:10]. В отличие от *pluralia tantum*, у вышеуказанных существительных формы множественного числа в некоторых контекстах конкурируют с формами единственного числа, ср. *сковать руки цепью / цепями, но провести в цепях / *в цепи 5 лет; завязать шнурок / шнурки на левом ботинке, но потянуть за шнурок* [за один конец] vs. *потянуть за шнурки* [скорее за два конца].

В случае с *цепями, шнурками, прыгалками* и *поводьями* субъектом наблюдения, испытывающим "обман зрения", может быть кто угодно, и в частности, пользователь этих предметов. Особый случай визуальной концептуализации представляют *помочи, подтяжки, ремни, торока* и др.

Pluralia tantum помочи и *подтяжки* визуально воспринимаются как пара лямок, поддерживающих брюки, которые проходят через плечи (см. рис. 3). Очевидно, что такое представление отражает точку зрения стороннего наблюдателя, но никак не пользователя. Подобным же образом *торока* (вьючные ремни) и *багажные ремни*, опоясывающие предметы багажа, с точки зрения наблюдателя видятся как несколько отдельных лент. Тот факт, что ремень или ремни соединены друг с другом (например, *помочи* перекрещиваются на спине), остается за кадром наблюдения.

Обратим внимание на важность параллельного, а не последовательного соединения элементов на картинке. Последовательность стежков, соединяющая детали одежды, обозначается именем *шов* (в форме ед. числа; форма мн. числа *швы* обозначает

стандартное множество отрезков, ср. *швы пообтрепались / разошлись, руки по швам*). В хирургии каждый шов соответствует одному стежку, и эти стежки идут не последовательно, а параллельно, поэтому место соединения тканей обозначается формой мн. числа, ср. *накладывать / снимать швы, швы разошлись*.

Восприятие последовательности мелких деталей, выстроенных в линию, и как сложного объекта, и как простого, присуще ряду названий отделки одежды с синонимией форм числа: *юбка с оборкой / оборками, с воланом / воланами, воротничок с рюшем / с рюшами*. Однако, если украшение идет двумя или более полосами, форма ед. числа недопустима, ср. также обозначение *складка ~ складки*.

Таким образом, правила числового оформления существительных типа *шов/швы* перекликаются с правилом выбора формы ед. числа у имени *край* в примере *Он бежал по краю поля*: и в том, и в другом случае взгляд наблюдателя последовательно скользит от одного элемента к другому.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента одели "Смысл Û Текст". Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 1. Wien, 1980.

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, 1986, вып. 28. [Перепечатано в: Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995; страницы даны по последнему изданию].

Арбатский Д.И. Значения форм множественного числа имен существительных в современном русском литературном языке. Дисс... канд. филол. наук. М., 1954.

Гаспаров М.Л. Избранные труды, т. II. О стихах. М., 1997.

Ляшевская О.Н. Нестандартное числовое поведение русских существительных. АКД. М., 1999.

Падучева Е.В. Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

Рахилина Е.В. Без конца и без края // Семантика русских предлогов. М. (в печати).

Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. Amsterdam, 1988.

[1] Ср. также попытки проследить "движение взгляда" по характеристикам названных в стихотворном тексте объектов природы в [5:21-32, 323-361].